

Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2022. № 4 (73). С. 121–124.
THE CASPIAN REGION: Politics, Economics, Culture. 2022. Vol. 4 (73). P. 121–124.

Научная статья
УДК 101
doi: 10.54398/1818510X_2022_4_121

ОСМЫСЛЕНИЕ И КРИТИКА ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ Х. УАЙТА В РАННИХ ТРУДАХ Ф. АНКЕРСМИТА

Заец Дмитрий Вадимович

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия
za96ets@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9475-154X>

Аннотация. Вопрос о соотношении реальности и знания, поднятый Х. Уайтом, остаётся до сих пор дискуссионным. В середине XX в. вместе с отказом от сциентизма в гуманитарных дисциплинах этот вопрос начинает формулироваться в категориях литературной критики. Одним из критиков и продолжателей идей Х. Уайта выступил Ф. Анкерсмит. Дискуссия, начатая Х. Уайтом, по сей день оказывает влияние на философию истории, по этой причине большую важность представляет изучение того, как разные авторы критиковали и адаптировали методологию Х. Уайта после отказа от структурализма. Кроме того, изучение ранних трудов Ф. Анкерсмита позволяет дать оценку эволюции его взглядов на природу исторического знания. Цель статьи – сравнить подходы к проблемам исторического нарратива в работах Х. Уайта и Ф. Анкерсмита и изучить проблему репрезентации реальности в историческом нарративе на материале их трудов. Использование сравнительного анализа позволяет изучить подходы философов и установить тенденции развития философии истории. В статье анализируются особенности методологии «Метаистории». Структуралистский подход к повествованию и обращение Х. Уайта к теории тропов рассматривается в перспективе рецепции и критики этой модели Ф. Анкерсмитом. В своих ранних работах он отказался от структуры четырёх тропов и обратился к изучению метафорической природы исторического нарратива. Статья показывает, в какой мере Ф. Анкерсмит заимствует методологию Х. Уайта, а в какой – критикует её.

Ключевые слова: история, нарратив, тропология, философия истории, репрезентация, историческое воображение, лингвистический поворот, историческая реальность, референциальность, метафора

Для цитирования: Заец Д. В. Осмысление и критика философии истории Х. Уайта в ранних трудах Ф. Анкерсмита // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2022. № 4 (73). С. 121–124. https://doi.org/10.54398/1818510X_2022_4_121.

Это произведение публикуется по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная.

Reception and criticism of H. White's philosophy of history in the early works of F. Ankersmit

Dmitry V. Zaets

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
za96ets@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9475-154X>

Abstract. Since H. White raised the question of the relationship between reality and knowledge in the philosophy of history, disputes about this problem have not ceased. In the middle of the 20th century, this question was formulated in the categories of literary criticism. F. Ankersmit was one of the critics and successors of H. White's ideas. Until recent days, the discussion have not been completed. For this reason, it is matter of great importance to study how various authors criticized and adapted the methodology of H. White after the rejection of structuralism. In addition, the study of the early works of F. Ankersmit allows us to assess the evolution of his views on the nature of historical knowledge. The purpose of the article is to compare approaches to the problems of historical narrative in the works of H. White and F. Ankersmit and to study the problem of representation of reality in historical narrative based on their works. The comparative analysis gives opportunity to study the approaches of philosophers and establish trends in the development of the philosophy of history. The author analyzes the features of the Metahistory's methodology. The structural approach to narration and H. White's appeal to the theory of tropes are considered in the perspective of the reception and criticism of this model by F. Ankersmit. In his early works, he abandoned four tropes structure of historical narrative and turned to the study of the metaphorical nature of it. The article shows to what extent F. Ankersmit borrows H. White's methodology, and to what extent he criticizes it.

Keywords: history, narrative, tropology, philosophy of history, representation, historical imagination, linguistic turn, historical reality, referentiality, metaphor

For citation: Zaets D. V. Reception and criticism of H. White's philosophy of history in the early works of F. Ankersmit. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture]. 2022, no. 4 (72), pp. 121–124. https://doi.org/10.54398/1818510X_2022_4_121.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

Введение

В отечественной науке к проблеме наследия Хейдена Уайта обращаются достаточно часто. Дискуссия о соотношении исторической реальности и знания о нём началась ещё в 1990-е гг. [9; 13]. В ряде статей рассматривается сама фигура историка в контексте его деятельности [12; 14] и дискуссии вокруг его идей [10]. Другие исследователи делают объектом своего изучения непосредственно саму методологию «Метаистории» [7] или дают ей критическую оценку [2; 3].

В настоящей статье мы обращаемся к сравнению методологических подходов Х. Уайта и Ф. Анкерсмита не только для выявления различия в их взглядах на проблему нарратива и репрезентации исторической реальности, но и более подробного изучения

ранних работ Ф. Анкерсмита, которым в отечественной науке уделялось меньше внимания как самостоятельным произведениям, чем его главной книге – «Возвышенный исторический опыт» [1; 8].

Основная часть

Имя Хейдена Уайта в наибольшей степени ассоциируется с лингвистическим поворотом в историографии. Он уделял большое внимание риторике и стремился понять, каким образом с помощью основных тропов истории воспроизводятся сюжет и «эффект реальности», а также стремился установить поэтические элементы в историографии и философии истории.

В целом подход может считаться формалистическим, т. е. предполагающим изучение порядка (формы) структурных компонентов в их последовательности, согласованности и освещающей силе [18, p. 17]. Непосредственное исследование посвящено «тропологической динамике» исторической традиции XIX в. Описывая свой метод, Х. Уайт подчёркивал, что он направлен на изучение того, как художественный компонент, представленный разными типами фигур (метафора, метонимия, синекдоха и ирония), определяет историческое исследование через установление внутренней структуры и логики повествования. Именно поэтому при всех неточностях и ошибках отдельного исторического произведения в его апелляции к историческим источникам, оно вполне способно сохранять смысл [15, с. 17].

Особое внимание Х. Уайт уделяет факту в системе нарратива. Отдельный факт, по его мнению, лишён любой связи с внетекстовой реальностью и определяется в связи с другими фактами внутри текста. Он включается в повествование по законам избранного жанра. Именно здесь историк предлагает свою модель, заимствованную из литературоведения. Жёсткость рамок его методологии станет причиной для будущей критики. В рамках этой модели существует три стратегии объяснения, каждая из которых предполагает четыре способа артикуляции.

Х. Уайт пишет, что историческое исследование для него – это «словесная структура в форме повествовательного прозаического дискурса» [15, с. 19]. Данные объединяются в объяснения и повествовательные структуры, имеющие «глубинное содержание», поэтичное по своей природе.

Первичная организация исторического нарратива – это хроника, затем она постепенно приобретает вид истории, где простая последовательность событий уступает место сцепкам по принципу «мотив завязки – мотив развязки». Появляются логические связи между событиями. Меняя элементы нарратива и придавая им разные функции, историк создаёт историю. Начинает формироваться сюжет истории. Появляются вопросы о развитии событий в истории, которые формируют повествовательные тактики. Объект анализа появляется в поэтическом акте ещё до того, как историк обращается к изучению формального поля. Он предлагает три вида объяснений (построение сюжета, идеологический подтекст, формальное доказательство), каждый из которых может сочетаться с конкретным языковым модусом. Конкретная комбинация называется историографическим стилем. Х. Уайт отмечает, что в процессе объяснения прошлого историк «совершает поэтический акт», конструирует историческое поле. Этот акт (или акт префигурации) приобретает следующие формы или языковые модусы (по именам языковых тропов): метафора, метонимия, синекдоха и ирония.

Четырем тропам соответствует три типа доказательства. Прежде всего, формируется четыре специфические формы объяснения через причинную взаимосвязь исторических фактов, каждый из которых предполагает свой поиск развития исторического процесса. Через идеологический подтекст выражается этический элемент позиции историка, который также предполагает четырёхчастную структуру. Этот подтекст связан с тем, какие уроки может преподнести изучение прошлого. Далее следует выделить построение сюжета. Фактически имеется четыре принципиальных типа, соответствующих четырём главным тропам поэтического языка. Метонимия и синекдоха – это типы метафоры, но они отличаются друг от друга по типу редукций или интеграций. Ирония – негативна (скрытое отрицание, «неправильное», абсурдное употребление любого тропа) [15, с. 53–58].

Таким образом, Х. Уайту удаётся осуществить лингвистический поворот, он смещает исследовательскую оптику с вопросов связи исторического сочинения и источников, их объяснения и описания к анализу формальных структур и логики повествования самих историков. Тип повествования, формальное доказательство или идеологический подтекст становятся способами формирования смысла исторического нарратива. Несогласие с таким подходом вызывало, как казалось критикам, прежде всего отказ от стремления исторического познания к объективному отражению исторической реальности. «Тропология, сводя историю к литературе, а реальность – к языку, отказывает историку в возможности познать события прошлого» [1, с. 102].

Тем не менее, вслед за Х. Уайтом целый ряд историков и философов истории обращаются в своих исследованиях к вопросам языка. В частности, в очередной раз встаёт вопрос о репрезентации или референциальности, т. е. соотношении исторической реальности и повествования о ней. Многие историки видят угрозу в увеличивающемся интересе к анализу языковых структур и отказу от классического взгляда на соотношение прошлого и истории. Среди них можно выделить Ханса Келлнера, по мнению которого история не может отказаться от обращения к литературоведческим теориям, но они, тем не менее, не должны приводить к потере чувства объективности реальных отношений в мире [11, с. 166]. Лайонел Госсман был ещё более не согласен с Х. Уайтом, вслед за Х. Келлнером утверждая необходимость референциальности. Он пошёл дальше, предлагая разграничить историю и литературу, достаточно скептически высказываясь о возможности использования тропологии в исторических исследованиях [17, p. 12, 32]. С. Банн также предпринимал попытки найти общие законы функционирования исторической дисциплины, но, в отличие от Л. Госсмана, связывал идею возможности доступа к исторической реальности с обращением к психологии в рамках исследований историков [16, p. 30–34]. Таким образом, часть философов истории после Х. Уайта начали отказываться от текстуальной реальности нарратива как единственной доступной в работе исследователя.

Франклин Анкерсмит, также отталкиваясь от взгляда на историю как на знание возможное только в рамках нарративных структур, постепенно начинает обращаться к внетекстуальным факторам, особенно к понятию опыта. Однако первые его работы в большей степени посвящены изучению логики и структуры исторического повествования и были написаны под влиянием Х. Уайта. В самом начале своего исследования автор удивлялся тому, что проблемы повествования редко вставали в рамках философии языка, так как чаще внимание уделялось отдельным высказываниям [6, с. 7].

Ф. Анкерсмит не сводил нарратив к отдельным высказываниям, наоборот, первое, что он делал – обращался к общей структуре и стремился определить жанр исторического нарратива, для чего необходимо развести его с наиболее близким к нему историческим романом. И хотя они представляют собой осмысление определённого исторического периода, можно выделить различие. В то время как историк пытается обобщать исторические факты, приводя их к форме знания, романист использует это обобщённое знание для создания воображаемых ситуаций.

Взаимоотношение исторического нарратива и исторической реальности определяется Ф. Анкерсмитом через понятие репрезентации, которая делает снова присутствующим объект отсутствующего исторического прошлого. Именно нарратив определяет репрезентацию, потому что позволяет взглянуть на прошлое с определённых позиций. Включая знания о прошлом в связанное целое, он позволяет упорядочить их. Ценность имеют не отдельные факты, открытые и описанные историком, а то единство, которое он сообщает фактам, предавая им определённую интерпретацию. Занимая в этом смысле уайтовскую позицию, философ пишет, что бесформенное прошлое, представляющее разрозненное разнообразие фактов, сопротивляется попыткам осмысления историка. Главным вопросом этой работы является не то, как «возможно знание прошлого, но то каким образом языковые средства, используемые нами для выражения такого знания, определяют его природу» [6, с. 17, 136].

Историк в своей работе вынужден производить перевод, придавать нарративную структуру множеству фактов, используя при этом четыре риторических тропа, о которых писал Х. Уайт. Это и делает историю доступной для постижения. Однако получается, что не существует прошлого, которое было бы твёрдым и однозначным основанием для построения исторических повествовательных структур. В этой работе Ф. Анкерсмит вводит разделение на субъективный и объективный нарративы, или нарративный идеализм и нарративный

реализм. Последний характеризуется связью между фрагментом реальности и истинным высказыванием, описывающим его, для иллюстрации философ приводит изобразительную теорию Л. Витгенштейна. Идеализм же, в свою очередь, отрицает возможность этой связи [6, с. 120, 133].

Тем не менее, в дальнейшем он отходит от этого чёткого противопоставления и формулирует свой взгляд на соотношения языка и реальности в категориях, которые не сводятся к нарративному реализму или идеализму. Для выражения интерпретаций прошлого Ф. Анкерсмит вводит третью логическую сущность, кроме субъекта и предиката, – нарративную субстанцию [6, с. 187, 220]. Повествование формируется через приписывание свойств нарративным субъектам и индивидуализированную нарративную субстанцию. Такую структуру работы повествования Ф. Анкерсмит сравнивает с метафорическим высказыванием. В отличие от буквальных высказываний, метафорические призваны фиксировать точку зрения и структурировать входящий в их область фрагмент реальности. Метафора будет удачной, когда её область будет максимизирована, т. е. разрыв между описанием и его областью будет настолько большим, насколько это возможно. В некотором смысле, историк занимается созданием метафорических систем, потому что работа нарратива оказывается такой же. Она предполагает определение точки зрения, с которой предполагается смотреть на реальность. Затем с этой позиции производится «предпочтительность определённого отбора высказываний, которые могут быть сформатированы об исторической реальности» [6, с. 349].

Вопрос о природе метафорического высказывания был важен для Ф. Анкерсмита. Он возвращается к одной из своих главных идей в следующей книге. Философ пишет, ссылаясь на Х. Уайта, что прошлое, представленное историку в виде текстов или хроники, нуждается в нарративном оформлении, которое сравнивается с метафорическим высказыванием. Нарратив сообщает, каким образом или через связь с какими явлениями понимать исторические события. «Метафора не создаёт образы вещей, которые стремится охарактеризовать; она даёт указания, как отыскать множество образов, предназначенных для ассоциации с этими вещами» [5, с. 115–116].

Такой взгляд отвергает возможные связи философии истории с реализмом, который предполагал установление непосредственной, прямой связи между прошлым и его описанием. Проблематизация вопроса о повествовании и его природы смещает эпистемологию истории в область философии языка. Ф. Анкерсмит пишет, что нельзя понимать язык историка как «прозрачную, пассивную среду, через которую мы видим прошлое как через стекло». Наоборот, повествование историка показывает нам, как смотреть на фрагмент прошлой реальности, подобно метафоре оно показывает нам объект через нечто другое.

Тем не менее, метафора хоть и является базовым тропом, но всё же только одним из четырёх других. Ф. Анкерсмит пишет, что «кто-то мог бы задать вопрос», почему есть только четыре основных стиля или способа написания истории, и далее излагает позицию Х. Уайта, в соответствии с которой существует логическая последовательность перехода тропов друг в друга: метафора ведёт к метонимии, метонимия – к синекдохе, синекдоха – к иронии, а ирония снова возвращает нас к метафоре. Ф. Анкерсмит, как мы увидим далее, не соглашается с этой жёсткой моделью.

Метафорическая природа нарратива делает возможным противопоставление языка историков и языка науки и философии. Здесь Ф. Анкерсмит ссылается на Каллера, который писал, что наука в своем эпистемологическом характере стремится «положить конец письму». Природа и реальность открываются в её языке. В историографии мы наблюдаем обратный процесс: тексты порождают ещё большее количество текстов. Результатом письма становится «отчуждение» прошлого. «По-настоящему интересный исторический текст не устраняет себя (вычеркнув соответствующий пункт в списке исторических проблем), но относится к себе как к метафоре» [5, с. 128].

Опираясь на эти тезисы, Ф. Анкерсмит не соглашается с тропологией «Метаистории». Он пишет, ссылаясь на Деррида, о различии и интерсексуальности как свойствах исторических текстов, так как интерпретативный способ видения прошлого может быть признан только при наличии множества различных нарративов, взаимно определяющих отношения друг с другом. «Если у нас есть только одна историческая интерпретация, мы не имеем интерпретации вообще». Ясность в историографии может быть достигнута только пролиферацией возможных способов интерпретации, а не попыткой уменьшить или ограничить их число, как делает Х. Уайт, предлагая систему четырёх тропов [5, с. 129].

Ф. Анкерсмит остаётся на позициях отказа от референциальности, высказанных Х. Уайтом и предлагает осмысление и частичный пересмотр его наследия. Но, тем не менее, в отличие от других критиков, он не осуждает нарративизм как методологию, склонную сводить историческую репрезентацию к обыденному повествованию, оторванному от исторической реальности. Для Ф. Анкерсмита важно взаимное влияние прошлого и историка друг на друга, которое описывается в категориях опыта. Однако этот взгляд на философию истории наиболее полно будет раскрыт в его поздней работе «Возвышенный исторический опыт» [4, с. 76].

Выводы

Философия истории Хейдена Уайта предполагает формальный подход и делает акцент на изучении структуры исторического нарратива как главных способов объяснения и доказательства в арсенале историков. По мнению многих критиков, подход пренебрегает традиционной связью между историческим повествованием и реальностью прошлого.

Среди тех, кто осмыслил наследие Х. Уайта, Ф. Анкерсмит занимает особое место, потому что он отошёл от главных идей своего предшественника. Философ критикует Х. Уайта за создание односторонней модели, которая исключает возможное разнообразие интерпретаций прошлого, но не отказывается от его подхода к соотношению текста и исторической реальности. Он пишет, что нарративная логика – это логика интерпретации, метафорическая работа которой связана с невозможностью приблизиться к исторической реальности, в связи с чем историк вынужден отсылать к образам, которые обеспечивают понимание через перенос свойств одного объекта на другой. Но именно этот разрыв между работой историка и прошлым делает возможным историческое описание как таковое. Плодотворным этот разрыв окажется не только для истории, но и для философии, поскольку в позднем творчестве именно сохранение изначальных установок Х. Уайта позволит Ф. Анкерсмицу предложить новый взгляд на природу исторического опыта через введение категории возвышенного.

Список литературы

1. Агафонов, В. В. Антирепрезентативизм в историческом познании / В. В. Агафонов // Вестник Камчатского государственного технического университета. – 2011. – № 16. – С. 95–103.
2. Агафонов, В. В. Эпистемология истории Х. Уайта: тропологический подход / В. В. Агафонов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: философия. – 2008. – № 2. – С. 24–31.
3. Агафонов, В. В. Эпистемология нарративной философии истории / В. В. Агафонов // Вестник КРАУНЦ. Серия «Гуманитарные науки». Проблемы теории познания. – 2010. – № 2 (16). – С. 60–71.
4. Анкерсмит, Ф. Р. Возвышенный исторический опыт / Ф. Р. Анкерсмит. – Москва : Европа, 2007. – 612 с.
5. Анкерсмит, Ф. Р. История и тропология: взлет и падение метафоры / Ф. Р. Анкерсмит. – Москва : Реабилитация, 2009. – 496 с.
6. Анкерсмит, Ф. Р. Нарративная логика. Семантический анализ языка историков / Ф. Р. Анкерсмит. – Москва : Идея-пресс, 2003. – 360 с.
7. Ашкер, А. Ю. Метаистория метаистории, или Декодирование Хейдена Уайта / А. Ю. Ашкер // Социологическое обозрение. – 2002. – Т. 2, № 1. – С. 86–99.
8. Герасимов, О. В. Исторический опыт как опыт прошлого: содержание и структура / О. В. Герасимов // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2015. – Т. 17, № 1. – С. 188–191.

9. Зверева, Г. И. Реальность и исторический нарратив: проблемы саморефлексии новой интеллектуальной истории / Г. И. Зверева // *Одиссей*. – 1996. – Т. 1996. – С. 11–24.
10. Кобылин, И. И. «Философская история» Хейдена Уайта, или О пользе и вреде жизни для историографии / И. И. Кобылин, Ф. В. Николаи // *Новое литературное обозрение*. – 2019. – № 1 (155). – С. 95–105.
11. Кукарцева, М. А. Современная философия истории США / М. А. Кукарцева. – Иваново : Ивановский гос. ун-т, 1998. – 215 с.
12. Олейников, А. А. Хейден Уайт как публичный историк / А. А. Олейников // *Новое литературное обозрение*. – 2019. – № 1 (155). – С. 95–105.
13. Репина, Л. П. Вызов постмодернизма и перспективы новой культурной и интеллектуальной истории / Л. П. Репина // *Одиссей*. – 1996. – Т. 1996. – С. 25–38.
14. Трубина, Е. Г. Вспоминая беседы с Уайтом в Санта-Круз: "Not Everything Was Thought Through" / Е. Г. Трубина // *Новое литературное обозрение*. – 2019. – № 1 (155). – С. 84–94.
15. Уайт, Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX в. / Х. Уайт. – Екатеринбург : Уральский ун-т, 2002. – 528 с.
16. Bann, S. *The Inventions of History: Essays on the Representation of the Past* / S. Bann. – Manchester – New York, 1990. – 246 p.
17. Gossman, L. *Towards a Rational Historiography* / L. Gossman. – New York, 1992. – 70 p.
18. White, H. *The Content of the Form. Narrative Discourse and Historical Representation* / H. White. – Baltimore, 1987. – 260 p.

References

1. Agafonov, V. V. Antirepresentativizm v istoricheskom poznanii [Anti-representationalism in historical knowledge]. *Vestnik Kamchatskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* [Bulletin of the Kamchatka State Technical University]. 2011, no. 16, pp. 95–103.
2. Agafonov, V. V. Epistemologiya istorii Kh. Uayta: tropologicheskii podkhod [H. White's epistemology of history: a tropological approach]. *Vestnik Rossiyskogo Universiteta druzhby narodov* [Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia]. 2008, no. 2, pp. 24–31.
3. Agafonov, V. V. Epistemologiya narrativnoy filosofii istorii [Epistemology of Narrative Philosophy of History]. *Vestnik Kamchatskoy regionalnoy assotsiatsii Uchebno-nauchnogo tsentra* [Bulletin of the Kamchatka Regional Association of Educational and Scientific Center]. 2010, no. 2 (16), pp. 60–71.
4. Ankersmit, F. R. *Narrativnaya logika. Semanticheskiy analiz yazyka istorikov* [Narrative Logic. A Semantic Analysis of the Historian's Language]. Moscow: Ideya Publ; 2003, 360 p.
5. Ankersmit, F. R. *Istoriya i tropologiya: vzlet i padenie metafory* [History and Tropology: The Rise and Fall of Metaphors]. Moscow: Reabilitatsiya; 2009, 496 p.
6. Ankersmit, F. R. *Vozvyshennyi istoricheskiy opyt* [Sublime historical experience]. Moscow: Evropa; 2007, 612 p.
7. Ashkerov, A. Yu. *Metaistoriya metaistorii, ili Dekodirovanie Kheydena Uayta* [Metahistory of Metahistory, or Hayden White's Decoding]. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Sociological Review]. 2002, vol. 2, no. 1, pp. 86–99.
8. Gerasimov, O. V. *Istoricheskiy opyt kak opyt proshlogo: sodержanie i struktura* [Historical experience as experience of the past: content and structure]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk* [Tidings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences]. 2015, vol. 17, no. 1, pp. 188–191.
9. Zvereva, G. I. *Realnost i istoricheskiy narrativ: problemy samorefleksii novoy intellektualnoy istorii* [Reality and historical narrative: problems of self-reflection of the new intellectual history]. *Odissey* [Odysseus]. 1996, vol. 1996, pp. 11–24.
10. Kobylin, I. I., Nikolai, F. V. "Filosofskaya istoriya" Kheydena Uayta, ili O polze i vrede zhizni dlya istoriografii ["Philosophical History" by Hayden White, or On the Benefits and Harms of Life for Historiography]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review]. 2019, no. 1 (155), pp. 95–105.
11. Kukartseva, M. A. *Sovremennaya filosofiya istorii SShA* [Modern philosophy of the history of the United States]. Ivanovo: Ivanovo State University; 1998, 215 p.
12. Oleynikov, A. A. *Kheyden Uayt kak publichnyy istorik* [Hayden White as a Public Historian]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review]. 2019, no. 1 (155), pp. 95–105.
13. Repina, L. P. *Vyzov postmodernizma i perspektivy novoy kulturnoy i intellektualnoy istorii* [The Challenge of Postmodernism and the Perspectives of a New Cultural and Intellectual History]. *Odissey* [Odysseus]. 1996, vol. 1996, pp. 25–38.
14. Trubina, E. G. *Vspominaya besedy s Uaytom v Santa-Kruz: "Not Everything Was Thought Through"* [Recalling conversations with White in Santa Cruz: "Not Everything Was Thought Through"]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review]. 2019, no. 1 (155), pp. 84–94.
15. White, H. *Metaistoriya: Istoricheskoe voobrazhenie v Evrope XIX veka* [Metahistory: Historical Imagination in Europe of the XIX century]. Yekaterinburg: Ural State University; 2002, 528 p.
16. Bann, S. *The Inventions of History: Essays on the Representation of the Past*. Manchester – New York: 1990, 246 p.
17. Gossman, L. *Towards a Rational Historiography*. New York: 1992, 70 p.
18. White, H. *The Content of the Form. Narrative Discourse and Historical Representation*. Baltimore: 1987, 260 p.

Информация об авторе

Заец Д. В. – аспирант.

Information about the author

Zaets D. V. – postgraduate student.

Статья поступила в редакцию 06.09.2022; одобрена после рецензирования 24.09.2022; принята к публикации 30.09.2022.

The article was submitted 06.09.2022; approved after reviewing 24.09.2022; accepted for publication 30.09.2022.